

Надежда и Николай
ЗОРИНЫ

*Ты уверен,
кто сам управляет своим разумом?*

*Реквием
Салверги*

Николай Зорин
Реквием Сальери

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Зорин Н.

Реквием Сальери / Н. Зорин — «Эксмо», 2016

ISBN 978-5-699-89923-4

Нейробиолог Альберт Мартиросян, изучавший возможности головного мозга, пытался доказать, что они безграничны. Он изобрел препарат, под воздействием которого человек в состоянии клинической смерти продолжал мыслить – и не просто мыслить, а делать поистине гениальные открытия. Но для этого нужен медиум, способный его открытия зафиксировать... Правда, у препарата имелся «побочный эффект» – и медиум, и сам гений были обречены на смерть. Выяснив это, Альберт хотел прекратить исследования, но ему помешал напарник, одержимый синдромом Сальери и решивший воспользоваться открытием друга в своих целях... Альберт лишь успел попросить помощи у частного детектива Полины Лавровой, которая не понаслышке знала, что такое клиническая смерть. Она – единственный медиум, которому удалось выжить, сохранив приобретенный дар...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-89923-4

© Зорин Н., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Николай Зорин, Надежда Зорина

Реквием Сальери

© Зорина Н., Зорин Н., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Часть 1

Глава 1

То утро, когда погибла Инга, было необыкновенно солнечным. Я проснулся, как обычно, через час после ее ухода. Встал, распахнул окно – свет хлынул в комнату, ослепил. И потому, когда постучали, чтобы сообщить о смерти Инги, я долго не мог найти дверь, дезориентированный в пространстве.

Привычка гулять в одиночестве по утрам появилась у нее с самого начала, как только мы приехали на этот горнолыжный курорт. Я не возражал, не предчувствуя беды. Мне казалось, что здесь-то ничего плохого с нами произойти не может. Не знаю, откуда у меня была такая уверенность, ведь я понимал, что опасность преследовала нас по пятам.

Вот и в то утро, когда постучали, а я, ослепленный солнцем, не мог найти дверь, никаких дурных предчувствий не было. Меня рассмешила моя слепота, моя неуклюжая беспомощность. Служащий гостиницы, которого я наконец впустил, долго не мог начать разговор – беззаботная счастливая улыбка на моем лице совершенно сбивала его с толку. Казалось, он вдруг сам усомнился в той новости, что мне принес.

– Ваша жена... – начал он и замолчал.

Солнце било в глаза, глаза заслезились. Сквозь эту солнечно-слезную муть я смотрел на утреннего гостя и продолжал улыбаться.

– По словам очевидцев, – предпринял он новую попытку, сменив тон на более официальный, – ваша жена...

Но и официальный тон не помог, вновь повисло молчание. Я предложил служащему кофе, но он покачал головой и наконец решился произнести:

– Двое наших гостей видели, как Инга, ваша жена, упала в ущелье. Спасатели начали поисковые работы, но, если говорить откровенно, надежды мало.

Солнце по-прежнему слепило, глаза продолжали слезиться. Я прикрыл лицо рукой и не видел, как остался в номере один. Переход от радости к горю был таким резким, таким болезненным, что я почувствовал себя раздавленным.

Тело Инги нашли спустя три дня. В мой номер снова постучали. Что было дальше? Не знаю – на этом месте мой сон неизменно заканчивается. Узнаю ли когда-нибудь? Скорее всего нет. Ведь это только сон, пусть и постоянно повторяющийся. Я никогда не был на том горнолыжном курорте. И на лыжах кататься не умею. А Инга... В реальной жизни я никогда ее не встречал. У меня нет жены. И никогда не было.

Но эти сны я видел регулярно. Сны о гибели Инги. И после пробуждения я еще долго нахожусь под впечатлением от кошмара. Мне больно и страшно, и не хочется жить. Лежу, не в силах заставить себя подняться, начать новый день – без Инги ничего не имеет смысла. Лежу и терзаю себя воспоминаниями: она улыбается, прячет что-то в карман – мучительно пытаюсь понять, что она спрятала; она поворачивает голову и слегка хмурится – о чем думает в этот момент, что расстраивает ее, нет ли в этом моей вины? Ее взгляд, такой доверчивый, что вынести его невозможно. Потому что я знаю – я предал ее доверие, не уберег, разрешил уходить без меня на эти прогулки. Если бы можно было все повернуть вспять, если бы мне дали возможность исправить ошибку! Меня охватывает отчаяние, а вместе с тем невыразимая нежность, хочется обнять Ингу, крепко-крепко прижать к себе и не отпускать ни на секунду, каждое мгновение ощущать ее присутствие. Моя душа не вынесет разлуки, я не могу без Инги! Мне остается только жить воспоминаниями. Но воспоминания тоже жестоки, потому что я помню

Ингу живой, зная при этом, что ее больше нет и никогда уже не будет. Ее ладони прохладные в любую жару, ее губы теплые в любой холод, ее голос, такой звонкий и радостный...

Инга погибла, одергиваю я себя. Ничего не исправить, пора уже с этим смириться, перестать думать, перестать терзаться.

Инги никогда не было в моей жизни, одергиваю я свое разыгравшееся воображение. Пора вставать, собираться на работу.

Подчиняясь своему приказанию, поднимаюсь с постели. Но воображение так быстро не сдается, и сны не желают меня отпускать. Я стою посреди кухни и не знаю, с чего начать утро. Кофе мне всегда варила Инга. Как же она это делала?

Я никогда не был женат, и кофе варю только сам, с трудом вспоминая я и ставлю на огонь турку. Легкий, едва уловимый запах духов Инги смешивается с ароматом кофе. Завтракаю, изо всех сил стараюсь стряхнуть с себя наваждение, подумать о чем-нибудь простом, не имеющем отношения к вымышленной жене. О том, например, что на обратном пути, возвращаясь с работы, нужно заскочить в магазин, купить хлеба. О том, какая сегодня погода и нужно ли надеть куртку. О том... Но в голове звучит голос Инги: все, о чем я думаю, словно рассказывает мне она. Тогда я делаю над собой страшное волевое усилие – стараюсь вообще ни о чем не думать, в корне душу любую прорывающуюся мысль. Убираю со стола мою чашку в абсолютном мысленном молчании. В молчании собираюсь на работу, в молчании выхожу из квартиры, направляюсь к остановке...

Институт микробиологии, в котором я работаю, находится на краю света. Добираться приходится полтора часа. Столько времени уходит впустую! Но главное не это: трудно ни о чем не думать во время такого долгого пути. А ведь еще предстоит тяжелый день, без Инги, без всякой надежды встретиться с ней, когда я вернусь с работы. Хватит ли сил это вынести?

Как только добираюсь до института, резко меняю тактику: начинаю говорить, много, оживленно, громко. Весело здороваюсь с коллегами, надеваю халат и бодро прохожу на свое место. То есть играю роль человека, которому не снятся навязчивые сны о том, как погибла его жена, у которого все хорошо: любимая работа, прекрасные перспективы и интересная тема диссертации.

Правда, в последнее время я стал замечать, что коллеги мне совсем не верят и смотрят так, будто я и в самом деле понес тяжелую утрату. Да что там? – я и сам себе скоро перестану верить. Игра моя насквозь фальшива, плохой я актер.

* * *

И вот, наконец, произошла ситуация, что окончательно выбила меня из равновесия. До этого я с невероятными усилиями, но проводил слабую границу между сном и реальностью. А теперь же совсем не знаю, как относиться к тому, что со мной происходит.

Утром я, как обычно, надел халат и прошел на свое рабочее место. В нашей лаборатории разрабатывается новый иммуностимулятор на растительной основе. Все растения мы выращиваем сами, Татьяна, наша заведующая, «выбила» соседнюю, смежную комнату, где и развела что-то вроде небольшого садика. Благодаря чему у нас всегда запах лета. Раньше мне нравилось, но сегодня запах был чересчур сильным. Я налил в пробирку эфирного масла, поставил на спиртовку, и тут со мной и произошла эта странная вещь. Не знаю, что это было. Может, от тяжелого аромата я потерял сознание?

В голове отчетливо прозвучала фраза, совершенно не связанная с ходом моих мыслей: «Полагать, что клетки головного мозга при длительном кислородном голодании безвозвратно гибнут, – ошибка». Я вздрогнул и чуть не опрокинул спиртовку. Федор, мой сосед по кабинету, покосился на меня, но ничего не сказал. Рассмеявшись над собственной оплошностью нарочито громко и беззаботно – вот, мол, какой растяпа, – я привычно открыл файл, чтобы

записывать ход работы, поставил число... Но тут на меня нахлынуло какое-то невероятное счастье. Такого состояния я не испытывал никогда. Это было что-то сродни вдохновению, но несравненно сильнее. Всепоглощающее вдохновение, удивительная умственная активность и обострение всех чувств. Я работал как одержимый, ничего не замечая вокруг, торопился записать те странные, невероятные мысли, которые вдруг возникли в моей голове. Я не слышал, как Федор безуспешно пытался до меня докричаться, а потом сам потушил спиртовку, не слышал, как все ушли на обед, как лаборант собирал и мыл пробирки. Я работал, пока не прошло наваждение. Но когда попытался прочитать то, что написал, пришел в ужас. В рабочем файле оказались лишь абсолютно непонятные формулы и пояснения к ним на незнакомом мне языке.

Это сон, просто сон, новый сон, уговаривал я самого себя. Ничего страшного. Сейчас я проснусь, и эта безумная тарабарщина в моем компьютере исчезнет. Но я не просыпался. С обеда стали возвращаться мои коллеги, лаборатория ожила, наполнилась звуками.

– Что это ты тут навалял? – Через плечо мне заглянул Федор. В последнее время он взял манеру говорить со мной этим небрежно-грубоватым тоном – вероятно, решил подыграть, сделать вид, что ничего со мной не происходит, и беседовать, как все остальные – бережно, деликатно, не нужно. – Что это? Боишься, что украдут твои гениальные выкладки, и все зашифровал? Сам-то потом сможешь понять? – Федор издевательски рассмеялся.

И тогда я сделал ужасно бестолковую вещь: резко закрыл файл и нажал на «Delete». Даже не подумав, что в этом файле была не только безумная тарабарщина, но и три месяца моей работы. Я выскочил в соседнюю комнату – в садик, взлелеянный заведующей, и закурил. Курить здесь, как и во всем здании, было категорически запрещено. А если меня увидит Татьяна, то просто убьет. Ну и пусть, ну и ладно.

Меня вдруг охватила жуткая обида. На Татьяну, на Федора, а больше всех на Ингу. Хотя она-то уж точно ни при чем, ее и вовсе никогда не существовало. Я пытался понять, что со мной происходит, и не мог найти объяснения. Даже безумием это не назовешь. Потому что, во-первых, безумие не приходит просто так, без всякой причины, а во-вторых, я ведь чувствую, что совершенно здоров, ну мне так кажется. Если не считать постоянно присутствующей боли утраты. Как бы я ни пытался ее заглушить, как бы ни убеждал себя, что могу отвлечься, она всегда при мне. Ноет, как притупленная аналгетиком сломанная кость, ноет, ноет, а когда действие лекарства кончается, боль накрывает с головой, становится центром, затмевает все остальные чувства. Но ведь не было никакой Инги. Я никого не терял!

Разозлившись уже на самого себя, я раздраженно затушил сигарету об оконное стекло, швырнул окурок на пол и направился обратно в лабораторию. Но тут опять накатило – в голове отчетливо прозвучала фраза: «Клетки мозга не умирают, а видоизменяются, вокруг каждой из них образуется защитная оболочка. Это похоже на глубочайший сон». Я тряхнул головой, но наваждение не прошло, голос продолжал звучать поверх моих мыслей, нет, не поверх, а словно вклиниваясь в них, врезаясь, как торпеда. И вдруг я с ужасом понял, что голос звучит с акцентом. Очень характерным акцентом, подобный я слышал много раз. Вот только не мог вспомнить, когда и при каких обстоятельствах. Мягкая, проникновенная гортанность. Какой народ так выговаривает чужие ему русские слова?

– Соловьев! – перекивая и голос, и мои мысли, раздалось совсем рядом. – Игорь!

Я вздрогнул и обернулся – заведующая Татьяна смотрела на меня с жалостью и испугом. Потом перевела взгляд на брошенный мною окурок, нагнулась, подняла, брезгливо, двумя пальцами, достала из шкафчика салфетку, тщательно завернула улику моего преступления и положила на подоконник. Все это она проделала совершенно молча. Я, наблюдая за ее манипуляциями, ждал, что вот-вот разразится гроза. Но ничего не произошло. Отряхнув руки, Татьяна подошла ко мне и самым задушевным тоном, на какой только была способна, сказала:

– Послушай, Игорек, ты плохо выглядишь. По-моему, ты слегка переутомился. Насколько я помню, у тебя от отпуска оставалась неделя. Возьми еще недельку за свой счет и съезди куда-нибудь. Тебе просто необходимо развеяться.

– Уйти в отпуск? – испуганно переспросил я. Татьяна, яростная противница любого отлынивания от работы, будь то больничный или отгул по семейным обстоятельствам, предлагала мне отпуск? Да еще на целых две недели! По-видимому, действительно выгляжу я паршиво. – Я об этом как-то не думал.

– Вот и подумай! – Татьяна опять взглянула на меня с жалостью, но, вдруг спохватившись, что жалостью может обидеть, улыбнулась бодро: – По-моему, неплохая идея.

Действительно, неплохая. Да что там, прекрасная идея. Я так устал от двойной жизни, нет сил больше притворяться, каждый день приезжать на работу и делать вид, что я все тот же, прежний, что не было никакой Инги...

– Пойдем-ка, я тебе помогу, – заботливо проговорила заведующая.

Отпуск мне оформили на удивление быстро, не возникло никаких загвоздок, обычных в таких ситуациях, словно от меня хотели избавиться. Даже стало немного обидно. И я не ощутил никакой отпускной свободы, когда через час после разговора с Татьяной вышел из института. Я вдруг испугался, что теперь, когда у меня появится столько свободного времени, увязну в воспоминаниях о своей никогда не существовавшей жене окончательно. Потому что единственное мое желание – лечь на диван и вспоминать. Но я не должен ему поддаваться. И пусть сил на борьбу больше не осталось, я просто обязан продолжать бороться. Поэтому сейчас поеду в библиотеку и остаток дня буду работать над своей диссертацией – теоретическая часть у меня что-то прихрамывает. И завтра с самого утра туда отправлюсь, и послезавтра, весь отпуск проведу в библиотеке. Мне не отдых нужен, а полная загрузка мозга. «Перезагрузка», – проговорил чужой голос с акцентом, снова вынырнув из глубин сознания, но я шикнул на него, топнул ногой, как будто прогонял шелудивого пса, привязавшегося на улице, и направился к остановке.

День был такой же солнечный, как тот, в который погибла Инга. Солнце, отражаясь в окнах проезжавшего мимо троллейбуса, ослепило меня, и я вдруг подумал, что если бы мог навещать могилу жены на кладбище, мне было бы легче. Если бы знал, где эта могила, если бы... Я приказал себе не думать, зажмурился, то ли от боли, то ли от слепящего солнца – и явственно представил Ингу, летящую с горы на лыжах.

Подошел мой номер троллейбуса. Народу в салоне было мало. Я сел у окна и сосредоточился на проплывавших мимо улицах, домах, вывесках, чтобы отвлечься, но получалось плохо: Инга была повсюду, все напоминало о ней.

Поработать в библиотеке не удалось: в мое исследование все время внедрялись чьи-то чужие мысли, чужая работа о клетках мозга. Но может, Татьяна права, я действительно переутомился? Этим все и объясняется? Я продолжу борьбу, я от нее не отказываюсь. Но завтра... Или через несколько дней. Небольшой отдых пойдет мне на пользу, мозг просто дал сбой, погрузился в глубокий сон и теперь не может из него вынырнуть... Я быстро собрался, сдал книги и буквально выбежал из библиотеки.

День слегка потускнел, солнце уже не слепило, по улицам гуляли люди. Может быть, они такие же уставшие, как и я? Куда они направляются? По своим домам? На свидания? Идут в гости к тем, кого не мучают воспоминания, надеясь, что эти счастливицы смогут их излечить? Может, и мне попробовать? Заехать к старому другу, поговорить по душам, рассказать?.. Но у меня нет старого друга. И нового тоже нет. И нет любимой женщины, потерял я ее, не уберег. Остается только поехать домой и весь отпуск пролежать на диване в бездействии. А может быть, хватит пары дней такого отдыха, я приду в норму, и вернуться к работе над диссертацией?

Дома первым делом включил телевизор: пусть хоть что-то отвлекает. Положил поближе пульт, чтобы тут же переключить на другой канал, если что-то пойдет не так – если пустят

фильм, который мы смотрели вместе с Ингой, или передачу о неизведанных возможностях человеческого мозга. Улегся поудобней, укрылся пледом – комфортизировал свой пассивный отдых – и сосредоточился на каком-то шоу. Я честно старался отвлечься: смеялся над плоскими шутками ведущего, переживал за неумелого самодеятельного акробата, пытался вникнуть в смысл абсолютно бессмысленной песни, но вдруг поймал себя на том, что проделываю все это как бы поверхностью сознания. Смеюсь, переживаю, вникаю, а тем временем мучительно пытаюсь вспомнить, что за мелодия звучала у меня в голове в наш последний вечер с Ингой.

Я выключил телевизор – все равно от него никакого толку, и полностью сосредоточился на мелодии. И сразу она зазвучала яснее, отчетливее, громче, будто открыли дверь в зал, где играл оркестр. Плач по несостоявшейся жизни, тоска по недостигнутому счастью, эта музыка совершенно не подходила к обстановке, в которой звучала. Но когда и при каких обстоятельствах я ее слышал? Я тогда так и не смог вспомнить.

За день до гибели Инги мы сидели в ресторане на первом этаже гостиницы. Мелодия крутилась у меня в голове, навевая тоску, я был уверен, что где-то слышал ее недавно, и злился, что не могу вспомнить и что она сейчас, как и тогда, совершенно не подходит к обстановке. Инга смотрела на меня так, словно слышала эту музыку и знала, что она звучит неспроста, Инга прощалась со мной, а я не понял. Может, она чувствовала что-то такое, о чем-то подозревала? Почему же тогда она не поделилась со мной? Почему я сам ни о чем ее не спросил? Почему отпустил ее утром на ту проклятую прогулку? Почему не предчувствовал беды? Инга прощалась, Инга знала, что следующий день нас разлучит. И я в глубине души знал, вот и всплыла та мелодия, подсказывая, предупреждая. Так почему же я не обратил внимания?

Новая мысль так поразила меня, что я вскочил с дивана – пульт отлетел в сторону. Инга погибла месяц назад, ведь именно тогда мне стали сниться эти сны. Но месяц назад был август. Как же она могла погибнуть, катаясь на лыжах, в августе? Это же был русский курорт. Полное несоответствие.

Я долго бродил по квартире, заглядывал в шкафы, отодвигал ящики. Не знаю, что хотел найти, но я все искал и искал что-то и никак не мог успокоиться. Конечно, объяснение было вовсе не в этих шкафах, а у меня в голове. Мой мозг дал сбой, как бы ни пытался я от этого откреститься. Ведь главное несоответствие в том, что я тоскую по женщине, которую никогда не знал, оплакиваю гибель жены, которой у меня никогда не было. Неужели от переутомления или еще от каких-то причин я сошел с ума.

Не знаю почему, но эта мысль меня успокоила, примирила с моими дурными фантазиями. Я снова улегся на диван. И уже совершенно свободно, не сковывая свою фантазию, представил, как мы с женой отправляемся на курорт. Лыжи не вмещаются в такси, сердитый водитель кое-как прилаживает их на крыше, многочисленные сумки не входят в багажник, но мы ощущаем такую легкость и счастье, что любая, даже неприятная мелочь, только веселит. Переглядываемся и смеемся, понимая, как же нелепо, должно быть, смотримся летом с лыжами. Располагаем невместившийся багаж на коленях и снова смеемся. Мы чувствуем себя так, словно только что избежали какой-то смертельной опасности, нашли выход из безвыходного положения.

В аэропорту мы долго выгружаемся и вновь начинаем смеяться, когда Инга говорит, что забыла в машине одну из наших многочисленных сумок. Впрочем, точно она не могла вспомнить, забыла или нет. Вроде была еще красная в черную клеточку а, может, она не взяла ее из дому. «Ну и бог с ней!» – беззаботно машет рукой Инга, и это вызывает новый приступ веселья. Кое-как расставив сумки, обнявшись, мы поднимаемся на эскалаторе в зал ожидания. Нужно еще купить билет. Я устраиваю Ингу с багажом, а сам иду в кассу. На электронных часах 17:12 – зеленые цифры на черном поле. На стекле небольшая ровная по краям дырочка, словно от пули. У оператора, девушки примерно Ингиного возраста, смешная прическа: два нелепых

коротких хвостика. И все эти мелкие, незначительные детали воспринимаются почему-то как хорошие приметы.

С билетами проблем не возникло, но вылет только через два часа. Мы перетаскиваем свой кошмарный багаж в камеру хранения и идем в ресторан: собираясь в дорогу, дома не успели пообедать, а тут, когда все обустроилось и спешить больше некуда, вдруг почувствовали, что проголодались. Но оказалось, что ресторан закрыт для посетителей – зал арендовала какая-то важная персона для празднования юбилея. Это нам объяснил охранник, неприкаянно слонявшийся у дверей.

– Два дня уж гуляют, – говорил он, зло усмехаясь. Его поведение нам показалось странным, но тут он удивил еще больше: открыл пошире дверь и, словно призывая нас в свидетели творящегося бесчинства, кивнул на людей в зале. – Вот, полюбуйте на этих красавцев.

Гости были пьяны и расслаблены, казалось, что мероприятие их ужасно утомило. Посреди зала покачивалась в медленном танце странная пара: полный, низкорослый мужчина в сбившемся на бок галстук и совершенно пьяная женщина в зеленом, очень открытом платье. Мужчина время от времени всхлипывал и вытирал рукой слезы, женщина положила голову ему на плечо. Но больше всего нас поразила музыка: какая-то классическая вещь, строгая и печальная, надрывающая душу своей безысходностью. Она абсолютно не подходила ни для этого места, ни для такого вот пьяного сборища, да и вообще была далеко не праздничная.

Эту мелодию я и вспомнил в тот вечер, накануне смерти Инги.

– Что это такое? – потрясенно спросила моя жена.

– Юбиляр с супругой, – ответил охранник.

– Нет, я о музыке. Никогда не слышала эту вещь.

– А-а, – охранник покрутил пальцем у виска и кивнул на танцующих, – «Реквием» Сальери. Третий раз заказывают. Такая у них музыка, такие танцы.

«Реквием» Сальери. Я резко сел на диване и рассмеялся, почувствовав необыкновенное облегчение: вот, значит, как называется эта вещь. Наконец-то я вспомнил!

Вспомнил? Да разве мог я вспомнить то, чего не было? Я никогда не летал на горнолыжный курорт, а в аэропорту в последний раз был лет пятнадцать назад, еще в детстве. Все это одни лишь фантазии. Только какие-то уж слишком изощренные, слишком детальные. Да и музыка. Я никогда не слышал «Реквием» Сальери, я даже не знал, что он написал «Реквием». Да ему это как-то и не идет: «Реквием» и Сальери – столь же несовместные вещи, как гений и злодейство... Да и не «Реквием» это был, а какая-то черная месса.

Но я слышал его, там, в ресторане, и отчетливо помнил.

Может, это опять сон? Мое подсознание связало разрозненные образы и музыку, когда-то слышанную, но забытую? Но я не сплю. И все время, пока воображал себе всю эту галиматью, не спал, могу в этом поклясться! Сквозь воображаемые картины – такси, аэровокзал, ресторан, Инга – все время проступали домашние предметы: противоположный подлокотник дивана, плед, которым я был укрыт, окно, край занавески и даже плохо закрепленный соседский кабель – он все время болтается перед моим окном и до невозможности раздражает. Нет, я не спал. Чем же тогда все это можно объяснить?

Воспоминаниями, больше ничем. Но это не мои воспоминания, и они возникают помимо моей воли. Абсурд! Но что бы это ни было, попробую продвинуться дальше, вспомнить что-нибудь еще. В качестве эксперимента над собой. Проследить весь наш путь шаг за шагом, посмотреть, куда он меня выведет.

Вот мы с Ингой прилетели в некий город. Нальчик – услужливо подсказала память. Ну хорошо, пусть будет Нальчик. Что дальше? На автобусе приехали на курорт. Синие Горы – с лукавым смешком шепнула память. Пусть! Мы приехали поздним вечером, гостиница, как новогодняя елка, переливалась разноцветными огоньками. Это было необыкновенно красиво. Портье – мужчина лет тридцати, оформил нас и выдал ключ от номера. Номер двести пятна-

дцатый, находился на втором этаже, мы поднялись по лестнице – деревянные, широкие перила, покрытые темным лаком, разноцветная ковровая дорожка, с преобладающим темно-красным. Окна номера выходили на горы – темная громада, жутковатая в поздний час, утром приобрела совсем другой вид и выглядела очень даже романтично. Что было дальше? Мы осмотрели номер. Стены с нежно-кремовыми обоями, шторы им в тон. В ванной розовый кафель. Над огромной двуспальной кроватью с шелковым серебристым покрывалом висела картина в рамке: горный пейзаж, очень похожий на тот, что открывался из нашего окна. Багаж распаковывать тем вечером мы не стали, достали только самое необходимое.

Утром, когда я проснулся, Инги в комнате не было. Я нашел записку: «Решила осмотреть окрестности. Не теряй меня. Скоро вернусь». В углу стояла только одна пара лыж – моя. Боже мой! Я даже помню марку!

Что же теперь делать с этими воспоминаниями, которые так отчетливо возникают, но которых у меня, по определению, быть не может?

Что делать? Да просто проверить воспоминания: поехать в эти чертовы Синие Горы, в Нальчик. Благо, время у меня есть: целых две недели отпуска, щедро подаренные сердобольной Татьяной.

Я вскочил с дивана и стал поспешно собираться в дорогу, будто мне грозила какая-то опасность, от которой я надеялся убежать. Но вдруг посреди сборов меня посетила здравая мысль: да ведь поездка в Синие Горы – это новый виток безумия. Но я отогнал ее поскорее, притворившись, что отправляюсь в самый обычный отпуск, для того чтобы отдохнуть, а не для того чтобы проверить несуществующие воспоминания. Лицемеря перед самим собой изо всех сил, вызвал такси и с отчаянным весельем, к которому примешивался страх, вышел из квартиры. Вдруг подъедет тот же водитель – и все повторится.

Не повторилось. Водитель был незнакомый, он завел ничего не значащий разговор, не стал сердиться на многочисленный багаж и на лыжи, которые не помещались в салон, то есть ни лыж, ни багажа у меня не было. И Инги не было. И не было радости, и поездка моя вмиг показалась бессмысленной и глупой. Зачем еду? Куда? Расплатившись с водителем, я подхватил свою легкую сумку и вошел в здание аэровокзала. Огляделся, продолжая притворяться обычным отпускником. Мой организм, включившись в игру, стал выделять желудочный сок, сделав вид, что ему требуется сытный обед. А где еще можно пообедать в аэропорту? Конечно, в ресторане. Забросив за плечо сумку, я отправился в ресторан.

На этот раз ресторан был открыт для всех. Никакого юбилея там не справляли, играла совсем другая музыка – что-то привычное, эстрадное, но охранник оказался тот же самый, что и в тот день, когда мы улетали с Ингой. И сразу все здравые мысли вылетели у меня из головы, я сразу забыл, что хотел есть, и, перестав притворяться, подошел к нему.

– «Реквием» Сальери, – словно называя пароль, значительно проговорил я. Охранник в недоумении поднял на меня глаза и пожал плечами. – Юбилей, – предпринял я новую попытку, чувствуя себя идиотом. – Здесь, в вашем ресторане, примерно месяц назад справляли юбилей. Юбиляр и его жена несколько раз заказывали «Реквием» Сальери и танцевали под него. – Я улыбнулся, как можно теплее и радушнее, но он смотрел также мрачно и с недоумением.

– Ах вот вы о чем! Кто вы такой? – сурово спросил он. – Что вам нужно?

– Один из гостей юбиляра, – солгал я, открыто глядя ему в глаза.

– Нет, вы не можете быть одним из гостей, – совсем уж враждебно проговорил охранник.

– Ну почему ж не могу? – с напускной обидой удивился я и издал какой-то жалкий, вымученный смешок.

– Да потому, что, будь вы одним из гостей, вы бы знали, что юбиляр в тот вечер погиб.

– То есть как это погиб? – Я почувствовал, что подступает ужас: вот-вот начнется что-то, чего я не знаю, но что уже было и обязательно получит продолжение.

– Как? Очень просто! Отравился. Подсыпал себе что-то в бокал – и привет! Он и народ для этой цели собрал, как потом оказалось, – чтобы не скучно было. Устроил шоу, мать его! – Охранник выругался.

Я не знал, как на это реагировать и как скрыть свой страх, и потому сказал ужасную глупость:

– Но почему вы думаете, что он отравился? Я имею в виду, сам отравился. Может, его отравили?

– Отравили? – растерянно переспросил охранник и задумчиво посмотрел на меня: видимо, такая мысль не приходила ему в голову. – Да нет! Этого не может быть! – рассердился он в следующий момент и проговорил сквозь зубы: – Юбиляр оставил записку.

Затем он решительно отодвинул меня плечом, чтобы не смущал тревожными вопросами, и закрыл перед моим носом стеклянную дверь ресторана.

Все это меня до невозможности расстроило. Кивнув охраннику на прощание сквозь закрытую дверь, я отправился к кассам – нужно купить билет и продолжить проверку странных воспоминаний... То есть продолжить свое путешествие. И вдруг я понял, что заранее знал, как закончится банкет. Вернее, не знал – чувствовал, подсознательно был уверен в подобном исходе. Как чувствовал, что не следует мне никуда лететь, потому что все это может плохо закончиться уже для меня. Но здравая мысль, едва возникнув, тут же исчезла. А я подошел к кассе.

Здесь тоже совпало не все: маленькой круглой дырки в стекле стойки не было, очевидно, стекло заменили, но девушка-диспетчер оказалась та же и часы точно такие, как мне запомнились: электронные, с зелеными светящимися цифрами, но показывали другое время – на два пятнадцать позже, значит, и рейс будет другим, если он вообще состоится. Я замер у кассы, ожидая приговора, втайне надеясь, что билетов не окажется, и вместе с тем страшно боялся, что поездка может не состояться.

С билетом, как и в прошлую несуществующую поездку, проблем не возникло. Со смешанным чувством удовлетворения и ужаса я отправился дальше. Нашел те самые места, где сидели мы с Ингой, ожидая вылета. Да, это было здесь, над головой работал телевизор, начинался какой-то фильм, мы хотели пересесть, потому что смотреть было неудобно, приходилось задирать голову, а потом фильм прервали...

Объявили регистрацию на рейс. Я вдруг сорвался с места и бросился к выходу из зала ожидания. Как я мог об этом забыть? Непростительное упущение! Расталкивая пассажиров, впадая в отчаяние, что не успею, я бежал по зданию аэровокзала и никак не мог найти то, что мне нужно. Множество совершенно одинаковых помещений из стекла, пластика и фальшивого мрамора. Продажа сотовых телефонов, фэн-шуй, страховая компания, кафе... Мне показалось, что за столиком сидит Инга. Я рванул стеклянную дверь на себя, влетел в зал кафе. Но тут же повернул обратно. Инга мертва, напомнил я себе, эта сидящая за столиком девушка ни в коем случае не может быть Ингой. Нельзя отклоняться от курса, иначе точно не успею. Это должно быть где-то здесь: кафе, цветочный магазин, а дальше... Да, точно, отдел, где продавали музыкальные диски. Времени у меня было в обрез, но я все же заскочил и купил диск с «Реквиемом» Сальери. И сразу натолкнулся и на то, что искал, – филиал отделения банка.

Ужасно торопясь и ужасно волнуясь, что что-нибудь перепутаю, я перевел сорок тысяч рублей на имя Полины Лавровой, написал короткое письмо на ее электронный адрес и, с чувством выполненного долга, отправился к стойке регистрации. До вылета оставалось двадцать минут.

Глава 2

Полине Лавровой приснился сон, что самолет, не успев набрать высоту, взорвался в воздухе и рухнул на землю. От этого страшного взрыва она и проснулась. Села на постели, прислушалась – все было тихо: ни испуганных криков, ни звона падающих стекол, ни звуков сирен спасателей. Но сон был таким ярким, таким реальным, словно все происходило наяву, и самолет действительно упал неподалеку.

Полина протянула руку, нащупала стрелки часов – стекло специально сняли, чтобы она могла наощупь узнавать время. Десять минут седьмого. Раннее утро. Встать еще рано, но, понимая, что все равно больше уснуть не сможет, Полина поднялась и пошла на кухню. Поставила чайник и стала дожидаться сигнала: как только вода закипала, раздавался мелодичный звоночек. Умная техника помогала не чувствовать себя беспомощной. Виктор, ее лучший друг и помощник в нелегком детективном деле, постепенно всю квартиру оборудовал такой техникой. С тех пор как Полина потеряла зрение и твердо решила, что будет жить одна, самостоятельно, он при каждом удобном случае дарил ей какое-нибудь новое чудо техники. Или модернизировал уже существующий прибор. И все это так деликатно, так между прочим, будто дело было совсем не в ее слепоте. Вдруг взвевшись на ее вполне современный телефон и обозвав его птеродактилем, Виктор подарил ей другой, где имелась голосовая почта и прочие звуковые приамбасы. Переоборудовал компьютер, купил новый электрочайник, кофеварку, «говорящую» стиральную машину, плеер с крупными кнопками. И хотя Полина вполне могла обходиться старой, молчаливой, не столь умной, но привычной техникой, забота Виктора ее трогала.

Чайник сообщил о том, что закипел, и отключился. Полина заварила чай, удобно устроилась на кухонном диванчике и стала размышлять о своем сне. Просто так ей приснилась эта авиакатастрофа или в самом деле сегодня ночью где-то взорвался самолет? Если это так, значит, есть человек, который сейчас находится между жизнью и смертью и ждет от нее помощи. Он летел в этом самолете.

Способность видеть сны умирающих, проникать в их мысли и воспоминания, открылась в ней сравнительно недавно. Вернее, сама способность появилась сразу, как только она вышла из комы после страшной аварии, но поняла Полина, что значат ее странные видения, всего пару месяцев назад.

Полина взяла свой «сверхзвуковой» телефон, набрала номер диспетчерской аэропорта. Но там об авиакатастрофе ничего не знали или не захотели ей сообщить. Включила радио, прослушала новости, но и там о разбившемся самолете не сказали ни слова. Виктор мог бы «кружным» путем добыть информацию, которая не проходила по официальным сводкам, но было еще так рано, что Полина не решилась ему звонить. В конце концов, ее сон может быть просто сном, ничего не значить. Зачем же напрасно будить человека?

Не зная, чем заняться, куда еще позвонить и что предпринять, она проверила почту. На рабочем ящике было одно новое письмо. Почему-то вдруг разволновавшись, Полина его открыла. Письмо было коротким: номер счета и просьба позвонить. Никаких пояснений, ничего. Точно такое же послание она получила месяц назад, только с другого адреса. Дозвониться по указанному телефону тогда она так и не смогла, деньги, сорок тысяч, снимать не стала, не понимая, кто и почему их прислал: имя человека, сделавшего перевод, ни о чем ей не говорило. Теперь ситуация повторялась. Правда, тогда письмо она обнаружила только через несколько дней после того, как оно было отправлено. Так вышло, что почти неделю ни Полина, ни Виктор не проверяли почту детективного агентства, устроив себе небольшой отпуск.

Полина набрала номер, он был тот же, что и в прошлый раз, но дозвониться опять не удалось: телефон оказался заблокирован. Странная, прямо-таки идиотская ситуация! Какой смысл

давать номер, на который невозможно дозвониться? Какой смысл посылать деньги, не составив договора, не дав никакой информации, не объяснив, чего именно хотят? Рассердившись, она отбросила трубку – телефон мягко спланировал на диванчик – и пошла в комнату. Но тут у нее в голове раздался такой невыносимый шум, что даже уши заложило. Она не сразу смогла определить природу этого шума, ей показалось, что рушится дом. Полина закрыла ладонями уши, пригнула голову и бросилась на пол. Шум то немного стихал, то нарастал опять. Это продолжалось долго, потом шум внезапно прекратился. И только тогда Полина поняла, на что похож этот ужасный звук: на рев падающего на землю самолета. Больше не сомневаясь, что ее сон – один из тех, особых, «ясновидящих», принадлежащих другим людям, людям, находящимся между жизнью и смертью, Полина вернулась на кухню, подняла телефон и позвонила Виктору.

– Привет! – бодро поздоровался он. По голосу было понятно, что Виктор давно проснулся – напрасно она боялась его разбудить – и рад ее звонку. Ободренная его радостью, Полина рассказала о своем сне и попросила узнать об авиакатастрофе. Виктор обещал заняться этим сразу же, но напомнил, что сегодня суббота и они договорились с Максимом Даниловым поехать на кладбище.

– Я заеду за тобой в одиннадцать, – сказал он и, быстро попрощавшись, отключился. Виктор считал, что эта поездка, и без того тяжелая, сейчас для Полины просто непосильна. Но отменить ее невозможно, да Полина и сама не хотела ничего отменять. Максим без нее не справится. Ему необходима поддержка, ему нужна уверенность в том, что она больше не считает его виновным в гибели Кати Семеновой, а значит, и он сам может себя простить. Простить и начать снова жить. За его жизнь Полина несла ответственность.

Они познакомились несколько месяцев назад. Максим обратился к ней с просьбой распутать одно крайне загадочное преступление. Их детективное агентство к тому времени уже почти год не работало. Из-за болезни Полины, из-за того, что с ней случилось, из-за ее слепоты. Без работы она чувствовала себя оторванной от жизни. Но появился Максим, ему нужна была ее помощь. Преступление, в котором он был замешан (не по своей вине, как потом выяснилось), оказалось связанным с другим преступлением: гибелью юной художницы Кати Семеновой. Полине удалось полностью оправдать Максима и спасти ему жизнь. И вот сегодня они собирались поехать на кладбище, чтобы навестить могилу Кати.

В том, что накануне этой поездки ей приснился такой сон, Полина усматривала особый знак. Именно благодаря Максиму, в ходе расследования, которое она начала по его просьбе, Полина смогла понять, что означают ее видения и какую пользу может принести людям ее пробудившийся дар. Ей казалось, что разгадать сегодняшнее видение удастся именно на кладбище, все прояснится, конкретизируется, а возможно, она даже увидит человека, пострадавшего в этой авиакатастрофе, человека, нуждающегося в ее помощи, – своего нового клиента. Дело в том, что ее дар видеть и слышать людей, находящихся между жизнью и смертью, мыслить их образами, проникать в их сны помогал в работе частного детектива, но вместе с тем очень ее ограничивал. Максим Данилов, по профессии веб-дизайнер, создал сайт их агентства и широко разрекламировал его деятельность. У Полины с Виктором появилось огромное количество заказов, но, как оказалось, «простые», обычные, преступления Полина расследовать больше не могла. И мешала не столько ее физическая слепота, сколько ясновидение. Изменилась логика мысли, сама их природа, изменился подход к преступлению. Она стала смотреть как бы под другим углом. Виктору приходилось в основном работать одному, а Полина опять осталась не у дел. А теперь, кажется, намечалась новая возможность быть нужной. Так что Виктор, решив, будто сегодняшняя поездка ей особенно тяжела, ошибался.

Полина вдруг устыдилась собственных мыслей: какой-то человек попал в беду, а она радуется появившейся возможности снова включиться в работу. Обвинив себя в эгоизме и черствости, чтобы отвлечься и не извести себя чувством вины окончательно, Полина попробовала представить грядущую поездку – путь, который они проделают от подъезда до кладбища.

Она довольно часто представляла себе различные маршруты. Это было что-то вроде аутотренинга для слепых, который Полина придумала сама, чтобы не забывать зрительные образы. Вот они отъезжают от ее дома, едут по знакомым до мелочей, почти родным улицам, вот выезжают на проспект, а дальше улицы становятся все менее знакомыми – здесь приходится не только вспоминать, но и додумывать самой, – вот выезжают из города, кладбище, где похоронили Катю Семенову, новое, за городской чертой, вот развилка дорог с указателями: направление и расстояние до главных на этом маршруте населенных пунктов. Мысленно Полина читает указатели: Петушки, Зареченск, Синие Горы. В направлении Синих Гор им и нужно ехать...

Стоп! Никаких Синих Гор поблизости нет. Нужно вернуться к развилке и снова «прочитать», что написано на указателе, – вспомнить, а не фантазировать.

Ничего не вышло: название намертво приклеилось к указателю, подменив собой то, настоящее, и не желало исчезать. Синие Горы... Ей представилось огромное снежное пространство, на закате или ранним утром – во всяком случае, тени на снегу были темно-синими. Интересно, где находятся эти Синие Горы?

Полина включила компьютер, подождала, пока он загрузится, и набрала на Яндексе – «Синие Горы». «Синие Горы приветствуют вас», – произнес голос диктора с нарочитым кавказским акцентом. «К синим горам по зеленым лесам», – проговорил тот же голос нараспев, но уже без акцента. «Синие горы. Юрий Визбор. Текст песни», – сухо, даже с какой-то скрытой враждебностью, будто испытывая к Визбору личную неприязнь, назвал диктор следующий сайт. Все это совершенно не подходило и не соответствовало тому образу заснеженной местности, который представился Полине.

Она снова мысленно вернулась к развилке. Указатель на Синие Горы оставался на месте и несколько не изменился. Высоко в небе летел самолет, но гул был ровный, «здоровый», мотор работал исправно. Да и небо – ясное, прозрачно-голубое, не предвещало никакой катастрофы. Сентябрь в этом году выдался удивительно теплым и по-летнему солнечным. Мысленно Полина вышла из машины, постояла немного, прислушиваясь к окружающим звукам, выбрала направление и сделала пробный шаг – ноги увязли в снегу, откуда-то издали послышался голос Виктора, он просил вернуться в машину, но она его не послушалась, пошла дальше. Солнце переместилось на горизонте, на снег легли синие тени, идти стало легче, а еще через мгновение Полина поняла, что уже не идет, а катится вниз с горы на лыжах. Забытое ощущение легкости и счастья. Она захотела его продлить, но видение внезапно закончилось.

Зазвонил домофон. Полина пошла открывать, радуясь, что Виктор приехал раньше и не пришлось выдумывать себе занятия, чтобы заполнить время ожидания.

Как только открылась дверь, воздух наполнился пряным ароматом. Так могли пахнуть только хризантемы. Виктор принес ей цветы? С чего бы это? Полина замерла на пороге, озадаченная, сбита с толку. Он никогда не дарил ей цветов просто так, без всякого повода. Телефон, микроволновку, какой-нибудь редкий диск – что угодно, но только не цветы.

Они были знакомы целую вечность, и ближе Виктора у Полины никого не было. Полное взаимопонимание и исключительная гармония взаимоотношений. Она ему верила, безгранично и безусловно, могла на него положиться в любой ситуации и, наверное, любила. Как старшего брата, как лучшего друга. И он к ней относился как к другу... Но при чем здесь цветы?

Они познакомились при довольно романтических обстоятельствах, но никакой романтики в их отношениях и с самого начала не предполагалось. Полина заканчивала юридический, готовилась к защите диплома. Ее научный руководитель дал ей телефон (мобильный) и адрес (почему-то домашний) человека, который должен был рецензировать ее диплом. Она вышла не на той остановке, долго бродила среди двадцатипятиэтажных монстров, большей частью недостроенных, в новом, незнакомом районе, пока не отыскала нужный дом. Полина опаздывала и очень нервничала. Лифт в этом кошмарном доме тоже оказалось найти не просто:

какие-то сплошные лабиринты и закутки-ловушки, да еще тусклый, зловещий свет – настоящее раздолье для маньяков. И тут Полина услышала быстрые шаги у себя за спиной. Вскрикнув, она бросилась в один из закутков, где, к великой ее радости, и обнаружился лифт. Но радовалась она недолго, две огромные страшные руки – принадлежать они могли, безусловно, только маньяку – просунулись в сходящиеся дверцы и решительно раздвинули их. В лифт ворвался молодой парень, лохматый, всклокоченный. Весело посмотрел на Полину, которая, почти теряя сознание от ужаса, вжалась в стену.

– Простите. Кажется, я вас напугал? Просто я очень спешу. А второй лифт не работает. Дом еще недозаселен.

– Ничего, – еле слышно проговорила Полина, – я совсем не испугалась. – Парень действительно больше не казался ей страшным – вполне обыкновенный молодой человек. Он протянул руку к кнопкам.

– Вам на какой этаж? – И руки у него никакие не огромные, не маньяческие – обычные человеческие руки.

– На пятнадцатый.

– И мне на пятнадцатый, – обрадовался парень, а ей вновь стало не по себе, но она постаралась не подать виду.

Лифт доехал только до десятого и намертво застрял. Кнопка вызова помощи не работала.

– Ну все! Теперь я опоздал окончательно! – воскликнул парень и так горестно всплеснул руками, что ей стало смешно, и она совсем перестала его бояться.

– Я тоже опоздала, – призналась Полина, – меня ждут, а я здесь застряла, не знаю, что теперь делать.

– Попробуйте позвонить, – посоветовал парень и, словно подавая пример, достал из кармана телефон.

Номер оказался занят. Парню тоже, по-видимому, никто не отвечал. Так они довольно долго стояли напротив друг друга и безуспешно пытались дозвониться.

– Глухо! – пожаловался парень. – Стабильно занято. Не понимаю, с кем она может так долго разговаривать? Болтушка какая-то!

– И у меня тоже все занято и занято.

Он с сочувствием на нее посмотрел и вдруг, протянув руку, представился.

– Меня зовут Виктор.

– Полина. – Она пожала его руку, а он вдруг громко расхохотался. Это было так неожиданно, что Полина подумала, не случился ли с ним какой-нибудь нервный припадок.

– Полина? – переспросил он отхохотавшись. – Вы – Полина? И вам нужно на пятнадцатый этаж? Удивительно! Потрясающе! Значит, ни вы, ни я... Мы оба больше никуда не опаздываем.

Оказалось, что Виктор – тот самый рецензент. Полинин диплом они стали разбирать прямо в лифте. Виктор не знал номера ремонтной службы, поэтому позвонить не мог. Вызвали их только через три часа – очевидно, соседям надоело ходить пешком на свои поднебесные этажи, и они вызвали ремонтников сами.

А когда Полина окончила университет, они открыли совместное детективное агентство. И была прожита вместе целая жизнь: четыре трудных, безнадежных, счастливых года. Он не оставил подругу после аварии, в которую попала Полина, помогал восстанавливаться – у них была одна болезнь на двоих. И всегда, при любых обстоятельствах был рядом. Но ни о каких романтических отношениях речи не шло. Виктор был другом – самым верным, самым лучшим, самым надежным другом. А теперь вот цветы, без всякого повода. Или, может, все эти годы Полина на его счет ошибалась?

Она улыбнулась Виктору и протянула руку к букету. И тут вдруг до нее дошло: эти цветы предназначались вовсе не ей, он купил хризантемы, чтобы положить на могилу Кати Семеновой. Полина ужасно смутилась и отдернула руку. Но Виктор уже успел заметить ее движение,

понял, о чем она подумала, тоже смутился, но быстро нашелся и самым естественным образом, будто так и намеревался с самого начала, вручил ей букет.

– Это тебе! – весело проговорил он.

– В честь чего это? – тоже весело, в тон ему, спросила Полина, хоть ей все еще было обидно и стыдно.

– Они здорово пахнут, – ответил Виктор.

* * *

Кладбище было новым. Пустым, ветреным и абсолютно немым. Ни шелеста листвы, ни пения птиц, ни приглушенных голосов людей. Деревья еще не успели вырасти, посетители приходили редко. Максим ждал их у ворот, словно незваный гость, не решаясь войти один.

– Привет! – шепотом, боясь нарушить тишину кладбища, поздоровался он. Полина почувствовала, что Максим страшно нервничает, и взяла его под руку. Виктор слегка приотстал, понимая, что сейчас Максиму нужна только Полина, только ее поддержка. Они выглядели как два посвященных в главную тайну – тайну смерти. Оба побывали там и вернулись назад. Максим совершенно поправился после ранения, вернулся к нормальной жизни, оставалось только закрыть последний неоплаченный счет. Он не виноват в гибели Кати и все же чувствовал себя виноватым. Из этой вины, как когда-то из лап смерти, выдернуть его могла только Полина.

К могиле Кати они шли молча и, как показалось Полине, очень долго. Максим крепко держал ее за предплечье, словно боясь потеряться. И только у могильной оградки он наконец решился отвести руку. Странно, но здесь он вдруг почувствовал себя лучше.

Они положили цветы, постояли немного, нарушив молчание, первой заговорила Полина:

– А ведь ее могли похоронить как самоубийцу. И если бы такое произошло лет сто назад, все было бы гораздо печальней. Утешает одно: мир стал менее жесток, самоубийц больше не хоронят за кладбищенской оградой, как раньше. Не значит ли это, что и у них появилась надежда, не значит ли это, что когда-нибудь и они будут прощены?

Полина почувствовала, что Максим напрягся, хотел что-то сказать, но передумал. И тут вдруг она за него всерьез испугалась. Потому что увидела его. По-настоящему увидела, а не представила. Видеть людей Полина могла только тогда, когда они находились на границе жизни и смерти. Неужели эта поездка оказалась для Максима непосильной и ему опять стало плохо... Силуэт, сначала неясный, зыбкий, прояснился, стал виден четче, и тогда Полина поняла, что это вовсе не Максим. Другой человек. Незнакомая девушка.

– Самоубийца прощен быть не может, – горько проговорила она, – это противоречит всему: религии, человеческим отношениям. Но ведь он, может, и не умер, может, он еще жив? – И она с надеждой посмотрела на Полину.

– Кто жив? – испуганно спросила Полина.

– Мой муж. – Девушка тяжело вздохнула. – Мы отдыхали с ним в «Синих Горах». И он... покончил с собой. Я летела к вам, Полина, но что-то случилось. Я себя так странно чувствую. Мне нужна ваша помощь.

Зазвонил телефон. Девушка вздрогнула, силуэт ее стал расплываться. Она повернулась и медленно пошла прочь. Полина услышала у себя за спиной голос Виктора – тоже какой-то плывущий, зыбкий.

– Как вас зовут? – закричала Полина вслед уходящей девушке, совсем не надеясь, что та ей ответит, не зная, чем помочь, как ее удержать.

– Инга, – донеслось до Полины, но никакой девушки она больше не видела.

Максим взял ее под руку и повел к выходу с кладбища – теперь он ее вел, а не она его, как вначале. Движения его стали уверенными, руки сильными – он окончательно пришел в себя и сможет жить дальше. Можно больше за него не беспокоиться.

– Спасибо тебе, – с чувством проговорил Максим и поцеловал ее. – Кажется, у вас начинается новое дело? От всей души желаю удачи.

Он еще раз на прощание поцеловал Полину, сел в машину – она услышала, как хлопнула дверца, – и уехал.

– Пойдем. – Виктор обнял ее за плечи, словно принимая эстафету, и повел к своей машине. – Мне только что позвонили, – сказал он, – ты оказалась права. Я просил у одного знакомого диспетчера узнать... В общем, сегодня ночью при взлете действительно разбился самолет. Но не у нас, а в Светлом.

Глава 3

Наш самолет благополучно приземлился в Нальчике. Аэровокзал был крошечным, будто ненастоящим, именно таким, как мне запомнился. Я больше не притворялся обычным путешественником-отпускником, просто поверил, что все, о чем я помню, происходило на самом деле. Сразу стало легче. Вместе с немногочисленными пассажирами я прошел к автобусной остановке. До поселка Синие Горы было около ста тридцати километров – два с половиной часа, примерно столько же, сколько я летел самолетом.

Гостиницу я узнал сразу – она нисколько не изменилась: точно так же, как в прошлый приезд, была опутана разноцветными огоньками, словно новогодняя елка. И портье тот же. И опять было очень поздно, почти двенадцать, и в вестибюле, кроме нас двоих, никого не оказалось. Я поздоровался с портье как со старым знакомым, но он не пожелал меня узнать. А еще говорят, что у людей, работающих в сфере обслуживания, профессиональная память на лица. Заблуждение! Ничего они не помнят, наоборот: взгляд замыливается от постоянного мелькания народа, и все люди кажутся на одно лицо. Но мне просто необходимо было, чтобы он меня вспомнил.

– Двести пятнадцатый номер, – вкрадчиво произнес я и со значением улыбнулся.

– Хорошо, – равнодушно откликнулся портье, глядя в экран монитора, – номер свободен.

– Видите ли, это для меня очень важно, – начал объяснять я все с той же значительной улыбкой. – Дело в том, что я совершаю траурный тур в память о моей жене. Она погибла...

– Искренне соболезную, – равнодушно проговорил он и протянул бланк. – Заполните и можете заселяться.

– Она погибла здесь. Упала в ущелье.

Первый раз за время разговора портье посмотрел на меня по-настоящему, заинтересованно, а не скользнул взглядом.

– Что ж, случается, – наконец сказал он, – у нас опасные трассы, самые сложные, новичкам они не по зубам. Зато лыжный сезон круглый год, а не с ноября по май, как почти повсеместно. И в летние месяцы у нас много отдыхающих. Хотя лично я непрофессионалам запретил бы даже приближаться к сложным трассам. Но кому интересно мое мнение? Коммерция!

– Мою жену звали Инга. Неужели вы ее не помните? – закричал я, не выдержав своей роли, не выдержав его равнодушия. – Все-таки не каждый же день у вас происходят несчастные случаи!

– Инга? – Теперь он смотрел на меня не только с интересом, но и, как мне показалось, с явным осуждением. – Был у нас один случай. Месяц назад. Женщину в самом деле звали Инга. Но ведь она... – И тут, рассердившись на меня всерьез, тоже не выдержав своей роли вежливого портье, он гневно выкрикнул мне в лицо: – Эта Инга не ваша жена. И нечего мне тут голову морочить! – Так же гневно бросил мне паспорт и ключ от номера.

Паспорт! Все дело в этом. У меня нет отметки о регистрации брака, вот он и не поверил. Я и сам знаю, что нет, но разве это что-то меняет? Да, я помню, что никогда не был женат, но ведь он подтвердил факт существования Инги. Нужно успокоиться и продолжить разговор, выжать из него все, что он знает.

– Но ведь Инга погибла, вы сами это сказали, – снова приступил я.

– Нет, я этого не говорил! – сердито возразил портье. – Ваш номер на втором этаже. Спокойной ночи! – И махнул рукой в сторону лестницы, давая понять, что разговор окончен.

– Вы помните мою жену, это же ясно, – не хотел я сдаваться, – почему в таком случае не помните меня?

Портье ничего не ответил, снова уставился в монитор и сделал вид, что не слышит меня. Я перегнулся через стойку и тут увидел, что его рука, лежащая на мышке, дрожит.

– Послушайте. – Я слегка похлопал его по плечу, чтобы отвлечь от монитора.

Он нервно дернулся, посмотрел на меня каким-то затравленным взглядом.

– Идите в свой номер, уже поздно, – умоляюще попросил он. И тут я понял, что мужчина меня почему-то боится. Нужно было как-то изменить его отношение. Мне вдруг вспомнился один анекдот, который однажды он рассказал мне.

– Администратор гостиницы говорит клиенту, – начал я, наблюдая за его реакцией, – если вы мне не докажете, что это ваша жена, я не смогу поселить вас вместе. А клиент отвечает: «Если вам удастся доказать, что это не моя жена, я буду вам благодарен до самой смерти».

Портье кисло улыбнулся:

– Я знаю этот анекдот.

– Конечно, знаете! – поспешил я его уличить. – Ведь это вы мне его рассказали.

– Ну и что?

– Был такой же поздний час, как сейчас, я спустился в вестибюль. У меня закончились сигареты, я вышел, чтобы купить, но автомат не работал. Вы предложили мне свои. Мы разговорились. Вы пожаловались, что ваша жена звонит вам каждый час, жутко ревнивая особа, достала уже, все проверяет, на месте ли вы, не развлекаетесь ли в номере какой-нибудь молоденькой постоялицы, считая, видимо, что у вас не гостиница, а бордель. А потом рассказали этот анекдот.

Я только хотел разрядить обстановку легким непринужденным разговором, помочь ему восстановить события. Но просчитался. Портье побледнел и прямо-таки затрясся от гнева.

– Я не знаю, кто вы такой и чего добиваетесь, – прошипел он, глядя на меня с ненавистью и ужасом. – Но вам я ничего не рассказывал! – Он сделал упор на слове «вам», и я тут же к этому прицепился.

– То есть сам разговор вы помните? Но считаете, что говорили не со мной, а с кем-то другим. Вот тут вы ошибаетесь: это был именно я. Ну напрягите свою память, всмотритесь внимательнее в мое лицо, вспомните. Я стоял здесь, на этом самом месте, а вы, как сейчас, по ту сторону барьера. – Я рассмеялся, но он шутку не оценил, продолжал все так же хмуриться. – Вы протянули мне пачку сигарет и поставили на стойку пепельницу, зеленую, с надписью «Бэкс» на боку. Мы закурили, зазвонил телефон, это была ваша жена, вы поговорили с минуту, а потом посетовали, что достала, звонит и звонит... А потом анекдот. Ну, вспомнили?

Я пытался восстановить каждую деталь, чтобы убедить его, что тогда он разговаривал именно со мной, но результата не добился. Портье впал в какой-то ступор, смотрел мимо меня и не желал больше идти на контакт. Понимая, что от него ничего не добиться, я взял со стойки ключ, положил в карман паспорт и направился к лестнице. Широкие деревянные перила, покрытые темным лаком, ковровая разноцветная дорожка, с преобладающим темно-красным, – все было точно таким, как мне запомнилось. Я жил в этой гостинице. И если портье не может меня вспомнить, то это проблемы его, а не моей памяти.

В номере тоже ничего не изменилось: все те же кремовые обои и шторы; на большой двуспальной кровати серебристое покрывало. А вот и горный пейзаж в рамке. Все на своих местах, все в полной сохранности. Я разделся, повесил одежду в шкаф, достал умывальные принадлежности. Но, как только вошел в ванную, почувствовал себя плохо: замутило, закружилась голова, и вообще стало как-то не по себе. Решив отложить туалетные процедуры на завтра, вернулся в комнату, расправил постель и лег спать.

Уснуть, однако, никак не удавалось. Назойливо лезли в голову воспоминания о нашей с Ингой поездке, и невольно приходилось сравнивать то, счастливое путешествие с этим, одиноким, вдовым. Хмурый таксист привязывает лыжи к багажнику на крыше машины – мы с Ингой переглядываемся и улыбаемся друг другу. Я еду в такси, другой, незнакомый веселый водитель везет меня в аэропорт, и ощущаю страшное одиночество. Инга летит с горы, я стою наверху, люблюсь ее уверенными, ловкими движениями, и на меня вдруг накатывает неверо-

ятное блаженство: эта удивительная женщина – моя жена. Блаженство сменяется отчаянием: мы больше никогда не будем вместе.

Не выдержав воспоминаний, этих взлетов и падений чувств, я вскакиваю с постели, подхожу к окну, резким движением распахиваю шторы – пугающая темная громада нависла над гостиницей, над целым миром. Отчаяние и тоска усиливаются, мною овладевает какая-то роковая уверенность, что этой мрачной громаде больше не суждено превратиться в романтический пейзаж. Утра не настанет, его просто не может быть. Да разве может продолжаться жизнь, когда нет больше Инги? Со странным, каким-то мазохистским наслаждением смотрю, не отводя взгляда от этой темной страшной горной громады, – я хочу, чтобы она обрушилась на гостиницу и погребла меня под собой.

Но я знаю, ничего не будет, мне никто и ничто не сумеет помочь, никто и ничто не возьмет на себя добровольно роль моего палача. Я должен сам все исполнить.

Ноги коченеют от холода, слишком долго стою у окна, слишком долго всматриваюсь в черноту ночи. Слишком долго... С того дня, как не стало Инги.

С того дня, повторяю я несколько раз, с того дня, как она умерла. И мне начинает казаться, что это действительно так. Никуда я не уезжал. Мне объявили, что Инга погибла, и вот я все стою у окна, пытаюсь осмыслить ее смерть. Все стою и стою и никак не могу поверить. Утро было необыкновенно солнечное... А потом наступила ночь, я не заметил, как она наступила.

Возвращаюсь в постель. Выстуженную одиночеством, я обречен в ней на вечную бессоницу. Мне больше никогда не удастся согреться, не удастся уснуть. Воспоминания о нашей счастливой поездке перетекают в другие, не менее счастливые, и оттого не менее горькие: я вспоминаю, как мы с Ингой встретились. Я шел из библиотеки, было жарко и очень душно, я пытался сосредоточиться на чем-то важном и никак не мог додумать какую-то мысль. Ужасно мешали посторонние звуки: разговоры людей, шум транспорта. Мне казалось, что если все вокруг замолчит, мои мысли наконец прояснятся. Чтобы сбежать от шума, я свернул в переулок. Да, здесь действительно было потише и даже как будто немного темнее. Подул ветер, и сразу стало легче дышать, и задача, над которой я безуспешно бился, обрела решение. Я рассмеялся, счастливый, не ведающий еще, что решение это ошибочное, в шутовском жесте воздел руки к небу, благодаря за подсказку – небо было мрачным, и, словно изливая на меня свой гнев, сверкнуло молнией. Тут же хлынул ливень. Стеной, без всякого просвета. Спасаясь от дождя, я нырнул в первую попавшуюся на глаза дверь – и оказался в магазине музыкальных инструментов.

Никогда в жизни я не видел столько инструментов, собранных в одном месте. Немых, еще не пробужденных к жизни. Странное, немного жутковатое зрелище. По стенам в два яруса шли стойки с разнообразными гитарами, гитары сменялись скрипками, построенными по «росту», затем шли альты. На небольшом возвышении, словно на сцене, выстроились виолончели, а рядом стоял концертный рояль. Духовые почему-то висели вперемешку, а пианино загромождали проход. Кроме меня, не было ни одного покупателя. Да ведь и я покупателем не был. Посторонний, абсолютно чужой в этом мире потенциальной музыки, я чувствовал себя очень неуютно. И повел себя как непрощенный гость, случайно попавший на чужой праздник. Скрывая неловкость, делая вид, что находиться здесь имею полное право, я стал расхаживать по магазину, окидывая бесцеремонным взглядом инструменты. И, конечно, накликал на себя беду – ко мне поспешил продавец.

– Здравствуйте, – вежливо улыбнулся он, но в его вежливости мне почудилась насмешка: он меня, профана, самозванца, раскусил. – Могу я вам чем-нибудь помочь?

– Будьте любезны, – медленно проговорил я, судорожно соображая, что же такое ему сказать. И тут меня осенило: – Мне нужен английский рожок, – радостно выпалил я: мне вдруг

вспомнился один фильм, там, помимо всего прочего, речь, кажется, шла о том, что английский рожок достать очень трудно.

– Английский рожок? – всем своим видом выражая удивление, переспросил продавец, и я понял, что сморозил страшную глупость.

– Но, вижу, у вас их нет, – умирая от стыда, нагло заявил я, а потом, усугубляя ситуацию, добавил: – Придется идти в другой магазин.

И вот в момент, в момент своего большого позора я увидел ее. Она стояла чуть в стороне, у витрины, на которой были выложены струны, и смеялась. Инга. Тогда я еще не знал, что ее зовут Инга, тогда я еще ничего о ней не знал. Невозможно представить, что было время, когда я не знал ее. Как страшно представить, что я мог бы ее не встретить, не начнись этот дождь.

Инга, еще незнакомая, еще не моя, стояла у витрины и смеялась надо мной. Продавец, наверное обидевшись, незаметно исчез. А я... Я смотрел на Ингу и не мог оторваться. Она была невероятно красивая, совершенно прекрасная, настолько совершенная, что в обычной обстановке, в реальной жизни ей просто не было места. И казалось странным, что вот она, такая невозможная, стоит здесь, в магазине, живая, настоящая, умеет смеяться, двигаться, на ней такой обыкновенный наряд – футболка и джинсы, ее длинные темные, волнистые волосы небрежно забраны простой красной резинкой, а над левой бровью маленькая родинка. Все предметы, которые были вокруг – стекло витрины, этот гордый музыкальный товар, словно устыдившись своего несовершенства рядом с ней, потускнели, стушевались, отошли на второй план, а потом и вовсе исчезли. Она осталась одна в некоем безвещественном пространстве, сияя ослепительной красотой. Потом, со временем, я к ней привык, а тогда... Потрясенный, подавленный, показавшийся себе не только самым глупым глупцом, но и самым уродливым уродом, я нашел, наконец, в себе силы оторвать от нее взгляд и поспешно удалился из магазина.

На улице все еще лил дождь. И это мне показалось странным, ведь наша встреча уже состоялась. Дождь был нужен лишь для того, чтобы я оказался в магазине музыкальных инструментов. Он был тем естественным поворотным моментом в сценарии, по которому выстроен мой сегодняшний день, вся моя жизнь. В кульминации непременно должна была оказаться наша встреча.

Но вот дождь, хоть и с небольшим опозданием, кончился. Как и переулочек, по которому я возвращался назад, к оживленной, громкоголосой улице. Опять стало очень душно. Обрывки чужих разговоров вклинивались в мои мысли, нарушали очарование от той невероятной встречи и не давали сосредоточиться. Я остановился перед громадной лужей, не понимая, как ее обойти, как перебраться на ту сторону улицы к своей остановке. Мне нужно было срочно попасть домой, остаться в одиночестве, пока эти раздражающие уличные звуки окончательно не убили образ девушки. И тут вдруг я понял, какую страшную, может быть, непоправимую ошибку совершил. Ведь никакой встречи еще не состоялось, я ничего не сделал, сбежал, даже не попытавшись заговорить.

Резко развернувшись, я бросился назад. Может, еще успею, может, она еще не ушла. Переулочек казался бесконечно длинным, почему-то и здесь появилось множество людей, я все время, пока бежал, на кого-нибудь налетал. На какой-то момент мне показалось, что это совсем не тот переулочек. В панике я припустил быстрее, поскользнулся на мокром асфальте, едва не упал. Сообразил, что не запомнил, как он выглядит, этот магазин, ведь, когда туда зашел, не рассмотрел из-за дождя, да и не пытался рассмотреть, просто нырнул в первую попавшуюся дверь. Может, я его уже пробежал, не узнав? Повернул назад, но, тут же испугавшись, что теперь-то уж точно не успею, снова развернулся и побежал вперед.

Магазин возник передо мной внезапно. Не узнать его было просто невозможно: в огромной стеклянной витрине красовались разнообразные инструменты. Счастливо рассмеявшись, я потянул ручку двери на себя. Но дверь почему-то не поддавалась. Не понимая, в чем дело, ведь

только что все прекрасно открывалось, я потянул сильнее и наткнулся глазами на табличку: «Перерыв на обед».

Ну вот и все, я ее потерял, потерял навсегда. Повернувшись, я медленно пошел по улице, сам не зная куда – идти мне больше было некуда и незачем. Я ее потерял. Стало душно, как под тяжелым шерстяным одеялом...

Я отбросил одеяло – совершенно нечем дышать. Снова вскочил с постели, включил свет – темнота давила, пугала, сводила с ума. Мною овладело такое же отчаяние, как в тот день, когда я потерял Ингу, так и не успев ее найти. Голос, слабый, еле слышный, откуда-то из глубины сознания, попытался меня успокоить. «Зачем же впадать в такое отчаяние, зачем же сходить с ума теперь, ведь у той истории был счастливый конец: с Ингой вы встретились, – шептал он мне. – Какой смысл так переживать из-за далекой полунесостоявшейся полувстречи? К чему употреблять такие громкие, и в свете последних событий, прямо-таки кошунственные слова: «Я ее потерял навсегда», когда теперь ты ее действительно потерял? Да и к тому же...» Тут голос затих, не зная, как приступить к главному, не представляя, как теперь я к этому отнесусь, долго молчал, подбирая наиболее щадящие фразы. А затем, словно рассердившись и на себя, и на меня, без всяких обиняков бухнул: «Ты же прекрасно знаешь, что никакой Инги никогда не было!» А потом снова, еще отчетливей, громче, безжалостней: «Нет и не было никакой Инги!»

Я ему не поверил, я заставил его замолчать, замолчать! Ведь это неправда, ведь это не может быть правдой. Как же тогда я жил, если не было Инги? Разве мог бы я жить, если не было Инги? И, чтобы заглушить этот лживый голос собственного разума окончательно, бросился в постель, укрылся одеялом с головой, тяжелым, шерстяным, удушающим – и вернулся в тот душный, несчастливо-счастливый, дождливый день.

Потому что дождь снова хлынул стеной, как только я отошел от магазина, закрытого на обед. Потому что этот несчастливый день в конце концов привел меня к счастью.

Я шел под проливным дождем, медленно, не пытаясь укрыться. Все было кончено, я потерял ее навсегда. Я шел и мучил себя вопросами, на которые невозможно было ответить. Почему, почему я не подошел к ней в магазине? Не попробовал познакомиться? Не пригласил ее куда-нибудь – выпить кофе, например? Почему хотя бы не узнал, как ее зовут? Перед глазами, размытая дождем, вновь вставала картинка: магазин, музыкальные инструменты, и она смеется, глядя на меня. Я пытался вспомнить детали, мне казалось, что, если я увижу что-то, что упустил раньше, смогу все исправить. Витрина, у которой она стояла, была захватана множеством пальцев, под стеклом разнообразные струны в коробочках и пакетиках, какие-то непонятного назначения железные штучки – нет, все не то. Я снова сосредоточился на ней. Ее невыразимо прекрасное лицо, ее губы, ее волосы, стянутые красной резинкой, ее удивительно совершенная фигура... Как я мог к ней подойти, пригласить в кафе? Я бы не посмел! Нога в белой кроссовке, отбивающая такт. Отбивающая такт. Такт своему смеху? Или мелодии, звучащей в ней? Что она делала в этом магазине?

Дурак! Ну какой же я дурак! Как же все просто! Конечно, она музыкант. Иначе ей просто нечего делать в магазине музыкальных инструментов. Теперь я знаю, где ее искать. В мире музыки.

Обнадеженный своими мыслями, я вернулся домой. А потом...

Все оказалось непросто, совсем не так, как я себе представил. Я думал: буду систематически обходить все места, связанные с музыкой, в этом районе и в конце концов найду ее. Таких мест оказалось немного: музыкальная школа, филармония, драматический театр (она могла играть там в оркестре). Но ни в одном из этих заведений ее не оказалось. Тогда я расширил квадрат поиска, включив еще две музыкальные школы, оперный театр и концертный зал. Но ее нигде не было.

Я забросил работу, забросил всю свою жизнь, посвятив себя поискам. Регулярно навещался во всевозможные музыкальные заведения города, смотрел все музыкальные передачи по

местным каналам, изучал новости музыки. Я перемерил на нее все инструменты, какие только знал, но так и не смог понять, какой ей больше подходит. И, наверное, сошел бы с ума, но судьба, наконец, надо мной сжалась.

В ночь накануне самого счастливого дня в моей жизни поднялась страшная буря. Казалось, что ветер сорвет крыши с домов и вырвет с корнями деревья, невиданный град разобьет стекла окон, дождь затопит весь мир. Но ничего этого не случилось – случилось невозможное чудо. Утром я вышел на улицу, вновь планируя отправиться куда-нибудь на ее поиски. Улицы были мокрыми, свежими и как будто обновленными, несмотря на то, что повсюду валялись сломанные ветки и мусор. Я шел и представлял, что она сейчас, в этот самый момент, делает, о чем думает, с кем разговаривает, какое у нее выражение лица, как звучит ее голос. Вот кто-то окликает ее по имени, мне никак не разобрать, какое он имя назвал, она поворачивает голову, слегка улыбается... Я напрягаю слух и наконец начинаю понимать смысл слов: речь идет о репетиции, всех зовут в зал. Она берет инструмент, неопределенный, неясный, ведь я так и не смог определить, на чем она играет, и отправляется... Тут картинка рассыпается в прах. Почему-то я никак не могу представить зал, где идет репетиция. Казалось бы, чего проще. Но нет, не могу.

Что-то холодное, мокрое мазнуло меня по лицу. Я вздрогнул от отвращения и поднял голову. Передо мной болтался кусок какой-то омерзительно бурой, словно пропитанной кровью, материи. Я не сразу понял, что это всего лишь рекламная «растяжка». Вероятно, ночью ее сорвало ветром во время бури, принесло сюда, и она зацепилась одним концом за ветви дерева. Я перешагнул лужу, обошел дерево, чтобы посмотреть, что написано на «растяжке». И тут увидел ее. Вернее, ее силуэт – стилизованный силуэт девушки с гитарой. А еще через несколько секунд понял, что я самый идиотский идиот на свете. Ведь все было так очевидно, была куча подсказок, которые я не смог расшифровать: и эта витрина со струнами, возле которой она стояла, и ее простой наряд, и моя неспособность представить ее ни с одним классическим инструментом. Оказалось, в нашем городе проходит рок-фестиваль, а сегодня последний день, оказалось, мое сумасшествие длилось всего неделю, оказалось, я могу еще все исправить – найти ее. Она – рок-музыкант, приехала в наш город на фестиваль, а я просто искал не в том месте.

Примерно через полчаса я уже стоял в кассе в длиннейшей очереди за билетом на этот последний концерт. Примерно через полтора часа я бродил по квартире, представляя, как увижу ее, как подойду к ней, как заговорю, как все в нашей жизни сложится прекрасно. А через три часа позвонил мой лучший друг и попросил срочно приехать к нему в больницу. Мы вместе работали над одной проблемой – когда-то, до встречи с ней, мне казалось, что это дело всей моей жизни. Ехать очень не хотелось, но я не мог ему отказать, а до начала концерта оставалось еще четыре часа, я думал, что в любом случае успею вернуться.

Ситуация в больнице действительно оказалась экстраординарная, требующая моего присутствия. Собственно, это была первая моя победа в череде долгих побед. И в другое время я был бы счастлив. Но теперь я мог думать только об одном: как бы не опоздать на концерт.

И, конечно, я опоздал. Концерт начинался в шесть. В половине девятого, когда моя победа стала несомненной – наш пациент окончательно пришел в себя, – я вышел из палаты. Но и спешить теперь было некуда, я понимал, что просто не успею доехать до концертного зала, даже к окончанию праздника, все для меня закончилось. Как и в тот день, когда я потерял ее первый раз. Но тогда судьба дала мне второй шанс – я не смог его использовать. Теперь ничего не исправишь. Сегодня последний день фестиваля, завтра она уедет из нашего города.

Я уходил все дальше от палаты, где состоялась моя самая большая в жизни победа, где была загублена вся моя жизнь. Слова поздравления моего друга и коллеги звучали как насмешка, не нужные, бессмысленные, ведь я все проиграл, все потерял. И в эгоизме отчаяния

я винил его в том, что произошло. Если бы он мне не позвонил, не попросил приехать, я бы пошел на концерт и встретил ее... А он все испортил.

Из коридора я вышел на лестницу и долго спускался, почему-то не сообразив вызвать лифт. И опять, как в тот день, мне ужасно захотелось поскорее оказаться дома, остаться в одиночестве, но кругом, как и тогда, были люди. Я то и дело на них натыкался. Их разговоры вклинивались в мои мысли, их жизнерадостный смех раздражал. Ну что же это? Как им не стыдно: больница – не место для веселья и такой глупой, легкомысленной болтовни.

Наконец, я выбрался на первый этаж, но тут из лифта вышел мой друг, увидел меня, страшно обрадовался, опять стал поздравлять, строить планы, мечтать вслух, как моя методика перевернет медицину и каких высот мы с ним достигнем. А потом, обняв за плечи, повлек в буфет.

– Ты все равно уже опоздал на свой концерт, – бестактно заявил он, – пойдем, чего-нибудь перекусим.

Я пытался ему возражать, я пытался сопротивляться, но он меня совершенно не слушал, расписывал все новые и новые перспективы. И я сдался, позволил увести себя в этот проклятый буфет. И...

Поверить в это было невозможно. Я и не поверил. Она сидела за одним из столиков, ела слоеную булочку, запивала кофе. И, не поверив, я подошел к ней.

– Что вы здесь делаете? – закричал я, словно обвиняя ее в каком-то дурном поступке. Она испуганно посмотрела на меня, пожала плечами, и я увидел, что на ней голубая медсестринская форма. – Почему вы так одеты? – продолжил я свой нелепый допрос. А она, смутившись, достала из кармана медицинскую шапочку и поспешно надела ее.

– Простите, мое дежурство закончилось, я думала, можно и так...

– Ну что ты прицепился к девушке? – вмешался мой друг. – Пойдем, она больше не будет. Нельзя быть таким занудой. – И он опять потащил меня куда-то, но я решительно вырвался и опустился на стул рядом с ней.

– Простите, – повторила она.

– Это вы меня простите, – сказал я и запнулся, не зная, как продолжить разговор.

– Пойду, возьму чего-нибудь поесть, – засмеявшись, проговорил мой друг и оставил нас вдвоем.

Мне казалось, как только он уйдет, станет легче – он страшно мешал. Нужно столько всего объяснить, а как это все объяснишь при свидетеле? Но и без свидетеля ничего у меня не получалось. То, что она здесь, ее костюм медсестры – все это совершенно сбивало меня с толку.

– Я думал, вы на закрытии рок-фестиваля, – снова приступил я и тут с ужасом заметил, что она уже доела свою булочку, допила кофе и собирается уходить. – Как вас зовут? – в отчаянии выкрикнул я и схватил ее за руку. Понимая, что мое поведение было хамским. Что она обо мне подумает? Надо как-то все срочно исправить. Я одернул руку.

– Инга, – улыбнувшись, ответила она, сняла со спинки стула сумочку и стала подниматься.

– Подождите! – Я снова почти грубо схватил ее за руку. – Не уходите, пожалуйста. Я... Мы ведь уже встречались однажды. Но тогда я вас... Помните, в магазине музыкальных инструментов?

Несколько секунд она смотрела на меня непонимающе, затем взгляд ее прояснился, и она неожиданно весело расхохоталась.

– Английский рожок? – шаловливо спросила она сквозь смех.

– Да! – выдохнул я, счастливый оттого, что она меня вспомнила, что она не ушла, не рассердилась, не испугалась моего грубого поведения.

– Так вам удалось его... э... приобрести?

– Не совсем.

– То есть как это не совсем? Вы приобрели только половину рожка? – серьезным тоном спросила Инга, но не выдержала, рассмеялась. – Или тот рожок, который вам достался, оказался не английским?

– Я всю неделю искал вас, – вдруг сказал я и испугался своего неожиданного признания. Хотел исправиться, перевести разговор на другую тему, но, неожиданно для самого себя, ляпнул: – А сегодня купил билет на закрытие рок-фестиваля. – И тут меня понесло. Я ей все рассказал. Как, совершенно случайно, попал в музыкальный магазин, как увидел ее, как потом пытался ее найти, как гадал, на каком инструменте она играет, как в конце концов понял, что она рок-музыкант, как воскрес и как потерял ее окончательно. – Ведь сегодня последний день фестиваля, – заключил я свой сумасшедший рассказ.

– Сегодня последний день моей практики, – со вздохом ответила она. – Я никакой не рок-музыкант, а всего лишь медсестра. Вернее, будущая медсестра, учусь на втором курсе медучилища. В этой больнице проходила практику.

Инга вдруг сникла, погрустнела. Неужели ее так расстроили мои признания?

– В этот магазин я тоже попала случайно, – глядя на меня, продолжала она. – Соседка попросила отдать в мастерскую скрипку ее сына, он как-то умудрился разбить инструмент. Там, со двора, мастерская. Мне было по пути, и я согласилась. А когда вышла из мастерской, увидела, что на улице ливень, возвращаться не стала, а забежала в магазин. Так что вот... Я совсем не рок-музыкант, и вообще никакой не музыкант. Зря вы себе напридумывали. Такая романтическая выходила история, а я все испортила. – Инга виновато улыбнулась.

Она выглядела такой беззащитной, такой нежной, такой прекрасной, что я с большим трудом сдержал новый безумный порыв – обнять ее и крепко-крепко прижать к себе. Вместо этого я тихонько дотронулся до ее руки и осторожно погладил. И вдруг вспомнил, что сейчас вернется мой друг и начнет трещать без умолку и все испортит: смутит Ингу еще больше, совсем ее расстроит. Я осмотрелся вокруг, но его нигде не оказалось. Ни в очереди, ни в зале. Ушел. Все понял, решил не мешать и ушел. От благодарности к другу и от невыразимой нежности к Инге я почувствовал такое щемящее счастье, что даже голова закружилась. И показалось, что все возможно, все получится, мы будем вместе, навсегда, и это будет долгая прекрасная жизнь.

– Пойдемте выпьем где-нибудь кофе? – вдохновленный грядущим счастьем, осмелился предложить я.

– Пойдемте, – согласилась Инга, поднялась, но тут же опустилась обратно за столик, рассмеялась своим прекрасным смехом и сказала: – А зачем куда-то идти? Кажется, мы уже пришли туда, где пьют кофе.

Наша счастливая жизнь оказалась не долгой, а слишком короткой. Через два месяца после встречи в кафе мы поженились, а через год приехали на этот горнолыжный курорт. И было в этот период что-то еще, но что, я не помню. Потому что все, не относящееся к Инге, не имеет значения. Важна только она сама. Ее смех, ее голос, ее милые жесты, ее привычки. То, что она любила и чего не принимала.

Она любила все, что наполняло жизнь. Раннее утро – за то, что можно бродить по пустынным улицам, не встречая ни одного человека. Шумный день – за то, что можно влиться в толпу спешащих людей и двигаться в их сумасшедшем потоке. Жаркое лето – за то, что оно наполняет энергией солнца. Дождливую осень – за то, что можно от нее укрыться в теплой, уютной квартире. Горячий, обжигающий кофе, ледяную газировку, горький шоколад и сладкое мясо... Самолеты – за скорость, в которой она растворялась. Медленные пассажирские поезда – за то, что время в них растягивается почти до бесконечности. Но больше всего она любила лыжи. Лыжи для Инги совмещали в себе все проявления жизни.

Не принимала в жизни она только одно – смерть. И все, что с ней связано. Как же могла судьба так ее не пощадить, так над ней насмеяться?

День, когда погибла Инга, был необыкновенно солнечным. Я стоял у окна, смотрел на холодную громаду гор, забравших ее у меня, и пытался осмыслить, что Инги больше нет и никогда не будет. Тот день кончился. Да и сегодняшняя ночь подходит к концу. Скоро темная страшная громадина за окном посветлеет и превратится в романтический горный пейзаж. Для тех, кто завтра утром проснется. А мне пора. Меня ждет Инга. Я уверен, что она меня ждет.

Меня разбудил страшный грохот. Что-то обрушилось, осыпалось, повалилось. Я открыл глаза и понял, что вовсе не проснулся, что снится мне самый настоящий кошмар. Я лежу в ванне, наполненной теплой водой, в совершенно незнакомой квартире, в руке у меня лезвие бритвы, дверь сотрясается от ударов, и вот она не выдерживает, защелка отлетает, и в ванную врывается мужчина в черном костюме. Я в ужасе смотрю на него, а он выхватывает из моей руки лезвие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.